

КАРА ДЖАОГЛАН

Азербайджанская ашугская поэзия

666-865725-1
518000

КАРАДЖАОГЛАН

Азербайджанская
Республиканская
Библиотека
им. Ш. Ш. Ахундова

ЯЗЫЧЫ
БАКУ
1984

Ф 903 (2.63) - 13

С(Аз)1
К21

Перевод В. Кафарова

К21 Караджаоглан. Б., Язычы, 1984. — 31 с.

В книге собраны стихи великого устада Караджаоглана, который жил и творил в XVI в. Большую часть его поэзии представляют песни любовного и пейзажного характера. Немалое место в его творчестве занимают также философские стихи.

К 4702060100—000 Реш. кол. № 58 от С(Аз)1
М-656—84 22/II-1984 г.

© Язычы, 1984.

ЗЕРКАЛО НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Поэзия азербайджанского народа имеет свою богатую тысячелетнюю историю. На протяжении многих веков озаны-ашыгы, называвшиеся в свое время шаманами, варсагами, озанами, йаншагами, оставили неизгладимый след в истории развития общественно-художественной мысли нашего народа.

На Востоке, и в частности в древнем Азербайджане, было широко распространено искусство озанов, сочинивших не только бесчисленное количество огузнаме (огузских песен), но и создавших такой величественный памятник литературы как «Китаби Деде Коркут» («Книга моего деда Коркута»). Поэтическое отражение исторических событий и мифологии, народная героика и мудрость, повествовательное мастерство, эмоциональная напряженность, глубокий драматизм и красочность описываемых событий, богатство чувств и мыслей, подлинный дух народной поэзии — таков «Китаби Деде Коркуд», художественный памятник древнейшего народного героического эпоса Азербайджана. Первым автором этого литературного памятника являлся, несом-

ненно, большой философ и мыслитель VI—VII вв. Деде Коркут, который увековечил летопись Огузского ханства.

Богатое разнообразие художественного содержания «Деде Коркуда» оказало большое влияние на все дальнейшее развитие народного эпоса, явилось неиссякаемым источником, питающим творчество озанов-ашыгов.

Продолжая традиции Деде Коркута, озаны-ашыги Керем, Гасым (Ширванлы), Новруз, Амрах, Гариб, Тахир Мирза, Ядыгар и Гурбани в XIII—XV столетиях создали совершенные образцы дастанных и эпических гопуз-саз мелодий («Асли-Керем», «Новруз-Гендиб», «Ашыг Гариб», «Тахир-Зохра», «Амрах», «Гурбани»). На основе различных сюжетных линий «Деде Коркуда» и родились дастаны «Асли-Керем», «Новруз-Гендиб» и «Ашыг Гариб».

Слово «ашыг» как имя-титул стало употребляться с XII в. До XVI в. этот титул носили Ашыг Алы, Ашыг Паша, Ашыг Челеби, Ашыг Ахмед, Ашыг Ибрагим, Ашыг Гариб и другие. Начиная непосредственно с XVI в., имя Озан было заменено Ашыгом.

Ашыгская поэзия, впитав богатые традиции народного творчества, соединила в себе несколько разновидностей жанров литературы и искусства. Слагать стихи, сочинять к ним музыку, создать дастан, исполнять все это в сопровождении саза, с мелодичными, совершенно неповторимыми интонациями, напевать, танцевать и уметь все это по традиции передать своему ученику (шагирду) — вот главное условие ашыгского мастерства.

Большие мастера (устады) слова и саза ис-

торически различных этапов стояли в одном ряду с классиками письменной литературы. В XVI—XVII веках такие известные ашыги как Гурбани, Мискин Абдал, Ванлы Гейчек, Гул Махмуд, Кёр-оглу, Караджаоглан, Ашыг Джунчун, Ашыг Сары, Абдулла обогатили формы ашыгской поэзии, ввели в нее новые средства выражения, сочинили сотни новых мелодий, создали десятки дастанов, воспроизводящих общественно-политическую обстановку, панораму человеческих взаимоотношений, подлинного героизма и любви. Эпос «Кёр-оглу», являющийся героической летописью эпохи, получил распространение лишь с этого времени.

На традициях устного народного творчества выросла целая плеяда мастеров (устадов) слова и саза: Волгиф и его современники Тикмедашлы, Хастэ Гасым, Тифлисли Саят-Нова, Ширванлы, Ашыг Досту, Ашыг Валех, его уstad Ашыг Самед, Ашыг Махмуд, Улулу Карим, Ашыг Овалар, Ашыг Аллахверди, Ашыг Мохаммед Вархиянлы, Ашыг Алы, Дагестанлы Ашыг Фатали, Миран и другие.

Ашыгская поэзия прошлого века дала мощный толчок дальнейшему развитию как устной, так и письменной литературы, подняла их на новую, еще более высокую ступень. Получило всенародное признание целое поколение ашыгов древних племен Аккоюнлу — ашыгская школа Гойджа, которая в лице Ашыга Алескера достигла своего апогея. Ашыгские школы XIX столетия представляла не только Гойджа. Были известны в Шамкире Ашыг Гусейн, Ашыг Гасым, Яхья-бей Дилгам, в Гарадаге — Ашыг Махмуд и Ашыг Джамал, в Ширване — Джафаргулу, в Кельба-

джаре — Ашыг Курбан, в Казахе — Ашыг Самед, в Баку — Ашыг Джавад, в Самуре — Ашыг Раджаб, в Джебраиле — Багбан, в Шеки — Молла Джума, в Борчалы — Шенлик Ибрагим и другие.

Они продолжили традиции древнего ашыгского искусства, в котором нашли свое отражение реальные жизненные события, имеющие важное общественно-политическое значение.

В ашыгской поэзии XX в., воспринявшей победу Октябрьской революции как победу сил добра и гуманизма над темным царством лжи и несправедливости, зазвучали новые революционные нотки. В. И. Ленин, его идеи, революционная борьба Н. Нариманова впервые были воспеты ашыгами.

Песни, революционные по духу и социалистические по содержанию, из старейших мастеров-уставов создали Бозалганлы Гусейн, Ширванлы Мирза Биал, Ашыг Асад, Ашыг Мирза, Телли Мохаммед, Ашыг Аваг, Новрес Иман, Чобан Афган.

В годы великого социалистического строительства Коммунистическая партия и Советское правительство проявили особую заботу об ашыгах. Ашыги впервые за всю историю существования провели свой первый съезд. Было собрано и издано их литературное наследие.

В настоящее время литературно-художественное творчество ашыгов всесторонне изучается. Сегодняшний ашыг не только участник свадебных и других торжеств, но одновременно коллективно выступает в народных театрах, филармониях, в больших концертных салонах. Этими ансамблями

руководят такие известные мастера-ашыги, как Ашыг Акбар, Ашыг Имран, Ашыг Исфендияр, Ашыг Адалет, Ашыг Камандар, Ашыг Гаджи.

Из старых уставов — Гусейн Джаван, Бисавад Теймур, Мискин Вели, Ашыг Амрах, Ашыг Авды, Гусейн Сараджлы, Азафлы Микаил, Ашыг Мусеиб, Ашыг Магеррам и другие с большой любовью и желанием передают свой опыт и знания молодому поколению.

КАРА ПАМАЗОВ,
кандидат филологических наук.

КАРАДЖАОГЛАН

Караджаоглан, песни которого звучат поныне, жил и творил в XVI в. Точные даты его рождения и смерти не установлены. Его настоящее имя Гасан, а отца его звали Кара Ильяс. Однако о месте его рождения сведения разноречивы. Одни полагают, что он происходит из Фарсага, другие — из Белграда, третьи — из Крыма. Называют его и гёйчинцем, т. е. выходцем из Гёйчи — обширной территории на побережье Гёйчи (ныне — Севан). Есть у него такие строки:

Живи, как хочешь, Караджаоглан,
Идет-уходит жизни караван.
Вы и Тавриз забрали, и Ширван,
А мы у вас что взяли, воевода?

Вряд ли, не будучи азербайджанцем, можно с такой горечью сказать о подобных событиях.

Ашыг, который жил и творил четыре века тому назад, и по языку ближе нам, чем мастера последующих столетий. Активно обогащаясь за счет накоплений предыдущих эпох (используя пословицы и поговорки, а также баяты), Караджаоглан оказал в свою очередь немалое влияние на дальнейшее развитие ашыгской поэзии. Ему принадлежат первые разработки тем, которые

были повторены ашыгами различных поколений и вошли в число традиционных.

Караджаоглан — корифей народного искусства, он глубоко постиг тонкости ашыгской поэзии, знал все ее художественные особенности. Его стихи отличаются богатými рифмами, естественностью выражения.

Крупный турецкий фольклорист Мустафа Ниджати Караэр к составленному и изданному им сборнику «Караджаоглан» прилагает список слов, непонятных современному турецкому читателю и дает пояснения к ним. Для нас, азербайджанцев, эти слова и словосочетания не являются чуждыми, они воспринимаются нами без малейших затруднений, легко и просто. Язык Караджаоглана — наш родной язык. В отдельных местах наблюдается и текстуальная перекличка с Ашыгом-Алы и великим Авескером. (Кстати, оба они — тоже гёйчинцы). Это свидетельствует о том, что между ашыгами существовали прочные узы и, несомненно, Караджаоглан признавался последователями как наставник, учитель (устад).

С именем Караджаоглана связаны не только слова, но и мелодии многих песен, бытующих и сейчас. Он создавал на свои слова и музыку, являясь при этом и первым исполнителем собственных произведений. Он обошел весь ближний Восток. В тезкирэ (рукописном сборнике) Лятифи — современника Караджаоглана — отмечается, что он еще при жизни обрел большую славу.

Разумеется, большую часть творческого наследия его составляет пейзажная и любовная лирика. Однако, Караджаоглан — не только поэт, но и как всякий зрелый мастер, он одновременно является и мыслителем. Его вдохновение, чуждое религиозной мистике, окрыляется действительностью. Конечно же, в реальной дей-

ствительности его многое не удовлетворяло. Отсюда и мрачноватые сентенции:

Я в преходящий мир уже пришел —
Что худшего со мной случиться может?!

Или же вот такое навеселое наставление:

Над собою власть теряю —
мой конец недалеко.
Человек любой с рожденья
пьет сырое молоко,
Оттого и вероломство
проникает глубоко,
Опасайся самых ближних,
дворне собственной не верь!

Много, слишком много безрадостного было в окружающей действительности, поэтому истинный реалист не мог пользоваться в своей палитре только светлыми, мажорными красками. Однако, по сути своей, по душевному складу, Караджаоглан — оптимист и тут его, как всегда, выручает природа, а также интимный мир:

В груди моей вами растоплена тьма,
Вы — свечи души моей сумрачной, девушки!

И тут приходится еще раз пожалеть, что мы располагаем его творческим наследием не в полном объеме...

В Азербайджане стихи Караджаоглана впервые опубликовал Салман Мумтаз. В различные годы затем были напечатаны десятки его стихотворений.

Заслуги Караджаоглана в формировании и развитии ашугской поэзии неопределимы, ему принадлежит од-

но из почтеннейших мест в истории народного искусства. Исследовать его жизнь и творчество — значит осветить состояние нашей поэзии XVI века.

Нынешнее небольшое издание — только попытка откликнуться на призыв Караджаоглана:

Не вырвусь, сколько я ни рвусь,
И каждый раз твержу в унынье:
Жить на чужбине буду — пусть,
Но пусть умру не на чужбине!

РЭФИК ЗЕКА ХАНДАН

* * *

Горькими вздохами камни прожгу
И мельницы двигать слезами смогу.
Недуг мой любого согнул бы в дугу:
Мне в отчем краю и в чужом — одинаково.

Приюта прошу у безлюдных высот.
Пусть в горе таком же окажется тот,
Кто в этом решенье меня упрекнет!
Мне в отчем краю и в чужом — одинаково.

Волниста прическа у милой моей,
Она меня ждет все грустней и грустней.
Не часто и прежде мы виделись с ней,
Мне в отчем краю и в чужом — одинаково.

Печаль бесконечна, а дни коротки.
В разлуке никто не избегнет тоски.
Присвоили землю мою чужаки.
Мне в отчем краю и в чужом — одинаково.

* * *

Возлюбленная, голос соловья,
Чтоб муки я свои изрек, мне нужен.
Тобой воспламененный, гибну я,
Чтоб пламя погасить, поток мне нужен.

Молчать невыносимо стало мне,
Пронзило грудь стальное жало мне.
Без помощи не встать, пожалуй, мне,
Хотя бы взгляд, хотя б кивок мне нужен.

Я послужить бы провожатым мог
И стать тебе названным братом мог.
Чтоб видеть цель в пути обратном мог,
Один твой локон-завиток мне нужен.

Я помню край родной в чужом краю,
Родные ветры, как лекарства, пью.
Чтобы прическу увенчать твою,
Любимая моя, цветок мне нужен.

* * *

Если твой друг не добудет денег,
Недруг бледнеть посрамленно не будет.
Разве разбудит свечу мотылек,
Если кружиться влюбленно не будет?

Люди хорошие, нет им числа!..
Мне даже тень твоя свет принесла.
Если поправятся дома дела,
Жить на чужбине резона не будет.

Каждому надо считаться с судьбой —
В деле любом и в дороге любой.
Что ж человеку поделаться с собой,
Если судьба благосклонна не будет!

* * *

Вот какое терпит горе
Тот, кто с милой расстается.
Слезы льет рекою в море
Тот, кто с милой расстается.

Птичья стая улетает,
Улетая, угнетает.
Будто воск, уныло тает
Тот, кто с милой расстается.

Урожай оставив в поле,
Пьет отраву поневоле.
Одолеть не может боли
Тот, кто с милой расстается.

Обожжется и увянет,
И поникнет, не воспрянет,
Мертвецом при жизни станет
Тот, кто с милой расстается.

* * *

Мой господин, позволь уйти и мне —
Давно меня в краю далеком ждут,
Я в сторону его смотрю-смотрю,
Да что же горы высмотреть дадут?!

Не мчись потоком, мой тебе совет,
Как лист осенний, не сходи на нет
И не кидайся каждой встречной вслед —
Живут мужчины мстительные тут.

И путь далек, и путник одинок,
Ашыг свернуть готов на огонек,
Но помни: что ни локон, то силок,
Старайся избегать подобных тут.

Во многих грудь изранена местах.
Твердят, что слишком влюбчив я, простак.
И рад бы равнодушным стать, да как,
Когда такие родинки мелькнут!

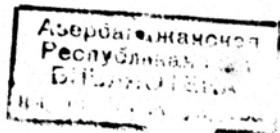
* * *

Мне в дом чаровницы попасть удалось.
«Ну, что же ты мнешься?» — сказала она.
«Цени мою щедрость, я дам тебе грудь,
Сейчас прикоснешься», — сказала она.

Дурного не скажет она обо мне,
В ее милосердье я верю вполне.
«Иди же ко мне, или в этом огне
И впрямь задохнешься», — сказала она.

Душа окрыленная рвется в полет,
Влюбленный букеты избраннице шлет.
Своею сорочкой прикрыв меня: «Вот,
Вспотеешь — утрешься», — сказала она.

Разлука не может рассорить людей —
При встрече полюбят друг друга сильней.
«Ты вдоволь над горькой обидой своей
Теперь посмеешься», — сказала она.

* * *

Не зима ль на горы дышит
Из тумана, из тумана?
Сразу двух любить возможно ль
Без обмана, без обмана?

Как же было не влюбиться:
Сабля — бровь, стрела — ресница!
Должен караван явиться
Из Омана, из Омана.

Девушек проходят стайки —
Я страдаю без утайки.
Та, чьи очи, как фиалки,
Мне желанна, мне желанна.

Тот, кто в молодости любит,
Умирать спокойно будет.
Мудрые не обессудят
Песню Караджаоглана.

* * *

По саду вдвоем с провожатой идем,
Дорожки в саду, между прочим, пьяны.
Пьяны кипарисы от ветра с дождем,
Хотя и не так, чтобы очень, пьяны.

Я глянул — подруга на троне сидит,
Не смотрит на друга, иль делает вид...
Да кто же весной не сорвет, устонт,
Когда и цветы у обочин пьяны.

Гнездо моей милой в высоком краю,
Спустилась зачем она, я утаю.
Щадите, охотники, лебедь мисс:
Ее несравненные очи пьяны.

Присланище милой — большая гора,
Откинута пряди, как полы шатра.
Ласкаться пора, целоваться пора,
И губы, и груди, и плечи пьяны.

Нам жизнь обновление дарует весной,
Нет розы свежее моей дорогой.
С кувшином в одной руке,
с чашей — в другой
Привстала она, ее речи пьяны.

* * *

Считаю, мне весь мир принадлежит,
Когда со мной любимая бывает.
Расходится туман, редеет мгла,
Когда она улыбочиво кивает.

Отраден словно тень, любовный зной,
Влюбленный это повторит за мной.
Мне кажется, что в рай вхожу земной,
Когда она объятья раскрывает.

Я сроду не бывал в таком огне
И не летал в подобной вышине.
Она отогревает душу мне,
Когда руками шею обвивает.

* * *

«Останься, милый», — говорила ты
Схитрила и меня уговорила.
Мне два бутона подарила ты,
А весь мой сад в отместку разорила!

Мне натиска напастей не сдержать,
Да разве можно столько обижать?
Джейран очнулся, хочет в степь сбежать,
Ему глядеть на изгородь немилостиво.

Скажи, в тебе откуда столько зла?
Я задыхаюсь, я сгорю дотла.
Украдкой чашу с медом мне дала,
А на поверку — ядом отравила!

Сначала сбила ты меня с пути,
Теперь велишь уйти. А как уйти,
Когда валяюсь при смерти почти,
Откуда у меня возьмется сила?

* * *

Где только ни бродил я, наг и бос,
Такие большаки остались разве?
Чего из-за изменницы не снес —
Такие тумаки остались разве?

Едва родившись, я заплакал сам,
А после вынуждали там и сям.
Что не струилось по моим щекам —
Такие ручейки остались разве?

Не мне нарядом праздничным блистать,
Весь век дрожу подснежнику под стать,
Кому и где об этом рассказать —
Такие уголки остались разве?

Я сам, я сам удачу упустил,
Раскаянье меня лишает сил,
И кто меня на свете не судил —
Такие языки остались разве?

* * *

Ты, горный кряж,
стоишь, как черный страж,
Ты мою милую видел, иль нет?
Неужто вновь надежды не подашь
Тому, чьи слезы залили весь свет?

Чтоб ты влюбился тоже, Карадаг,
Чтоб жаждой обожжен, остался наг,
И превратясь в таких, как я, бродяг,
Своей любимой потерял бы след!

Чтоб каменщики, камень твой рубя,
Калечили безжалостно тебя,
Чтоб ветры били, бешено трубя,
Чтоб содрогался ты от зимних бед!

Куда исчезла лань моя, куда?
Никто не терпит от меня вреда,
И, все ж, не отвечает — вот беда,
Быть может, камни мне дадут ответ.

* * *

Мне к черному камню идти страшновато.
Нет рядом со мною ни друга, ни брата.
О вас я и думать-не думал когда-то,
Оторванность, бедность и смерть!

Властителей скольких престолов лишили,
А скольких с дороги бежалостно сбили,
А скольких в могилу свели и сгноили
Оторванность, бедность и смерть!

Нельзя поступиться своей дорогою.
Из жизни уйти нелегко и изгою.
Три горя, одно затмевает другое:
Оторванность, бедность и смерть!

* * *

Родимый край — неповторимый край,
Я лучшего на свете не нашел.
Искал, но краше моего цветка
Средь множества соцветий не нашел.

Конца моей не видится беде.
С надеждой обращался я к воде,
Отзывчивее слез моих нигде
Потоков не приметил, не нашел.

Как вспомню, застревает в горле ком.
Пронзенный неожиданным клинком,
Свалился наземь и лежал ничком,
Подмоги в лихолетье не нашел.

Сгораю в этом мире, как в аду,
И ничего хорошего не жду.
Я слов, чтоб описать мою беду,
С любимую в беседе не нашел.

Довольно петь и плакать, соловей,
Послушать — розе недосуг твоей.
Пускай приходит смерть моя скорей —
Исхода, кроме смерти, не нашел.

* * *

Места, что с милой посещали мы,
Я это вижу с высоты, печальны.
Все люди, а не только я один,
У этой роковой черты печальны.

Рассечены вершины мгlistых гор.
Здоровый не поймет того, кто хвор.
Утратил сад весенний свой убор,
Унылы птицы и цветы печальны.

Кончается провалом путь земной,
Мы не избудем скорби ни одной.
Где лебедь? Улетела в мир иной
И заводи пустым-пусты, печальны.

Мне долго ль биться (знающий, ответь!)
В ногах у милой головой о твердь.
Мой саз расстроен, струнам не греметь,
Они в объятьях немоты печальны.

* * *

Слава богу, развеснилось,
С юга дни теплыни движутся.
Ива-ива, будь счастлива —
В тень твою гусыни движутся.

Чернокодые белянки
Показались на полянке,
Есть для них в саду приманки,
Стаей по долине движутся.

Палым листьям прошлогодним
Стать для них ковром сегодня!
Пусть оглядывать угодыя
Пуше, чем княгини, движутся!

Горный край, настали сроки,
Нужно дать проход широкий —
Зарождаются потоки,
Тесно льдина к льдине движется.

Я мостам внушаю бурим,
Что построены гяуром.
Стойте крепче, к вам, понурим,
Ликованье ныне движется!

* * *

Из Йемена, иль Индии — откуда
Ты, ласточка, торопишься весной?
Скиталец-соловей, меня, скитальца,
Послушайся: не пой, дружок, не пой.

Искал вдали, а встретил тут подружку,
И вот забыв, что смертью взят на мушку,
Прносишь то соломинку, то стружку,
Любовно строишь домик подвесной.

Растет моя печаль подобно туче:
Мы все умрем — и хилый, и живучий.
Так пусть сознание этому нас учит:
Сверять почаще с небом путь земной!

* * *

Отборные красавицы
покинули село,
Игиты сокрушаются,
вздыхают тяжело.
Шесть молодых хозяйшек,
как только рассвело,
Спустились на околицу,
свернули к роднику.

Три рослых и осанистых,
приглядны брови их,
Три — роста невысокого,
нарядны косы их,
Поглядываю издали
на всех, на шестерых,
Сошлись они, как сходятся
косули к роднику.

Последней сельской новостью
преображенный вмиг,
Из-за отъезда девушек
расплакался родник
И тотчас отклик родственный
в душе моей возник,
Но выразить сочувствие
смогу ли роднику!

***

Что же ты рокочешь медью,
Саз мой, сделанный из дерева?
Заставляешь в пляс пускаться,
Саз мой, сделанный из дерева.

Тут палаты расписные,
На полах ковры какие!..
Колыбель святой Марии,
И она была из дерева.

Караджаоглан покоя
Не найдет, узнав такое...
И ковчег седого Ноя
Тоже сделан был из дерева.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Намазов. Зеркало народной мудрости	3
Рэфик Зека Хандан. Караджаоглан	8
«Горячими вздохами камни прожгу...»	12
«Возлюбленная, голос соловья...»	13
«Если твой друг не добудет деньжат...»	14
«Вот какое терпит горе...»	15
«Мой господни, позволь уйти и мне...»	16
«Мне в дом чаровницы попасть удалось...»	17
«Не зима ль на горы дышит...»	18
«По саду вдвоем с провожатой идем...»	19
«Считаю, мне весь мир принадлежит...»	20
«Останься, милый», — говорила ты...»	21
«Где только ни бродил я, наг и бос...»	22
«Ты, горный кряж...»	23
«Мне к черному камню идти страшновато...»	24
«Родимый край — неповторимый край...»	25
«Места, что с милой посещали мы...»	26
«Слава богу, развеснилось...»	27
«Из Йемена, иль Индии — откуда...»	28
«Отборные красавицы покинули село...»	29
«Что же ты рокочешь медью...»	30

Г А Р А Ч А О Г Л А Н

(рус дилинда)

Ба к ы · Я з ы ч ы · 1 9 8 4

Редактор *К. Гасанов*. Художник *Э. Лазымов*.
Художественный редактор *А. Мамедов*.
Технический редактор *В. Плигина*.
Корректор *С. Тальбова*.

ИБ № 1893.

Сдано в набор 25. 04. 1984 г. Подписано к печати
30. 05. 1984 г. ФГ 04655. Формат бумаги 70×90^{1/2}.
Бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая
печать. Физ. п. л. 1.0. Условн. п. л. 1.17. Учетн.-изд.
л. 0.80. Заказ № 289. Тираж 7 000. Цена 15 коп.
Государственный Комитет Азербайджанской ССР
по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли.

Издательство. «Язычы», 370088. Баку, проспект
Кирова, 18.

Типография им. 26-ти бакинских комиссаров,
370005, ул. Али Байрамова, 3.

15 коп.

1
547998

Гарачаоғлан дер ки, сөзүн билмиши,
Тэдбирлә көрүлүр дүнјанын иши.
Галыб јер үзүндә, нејләсин киши
Фәләк талејинә јар олмајынча?!

